

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 47 (2310).

Суббота, 23 ноября 1946 г.

Цена 45 коп.

Новое о Чехове

Нет ни одного великого писателя прошлого, которого критика и наука о литературе толковали бы так неверно, как Чехова. Ложные, либерально-народнические теории о пессимизме, равнодушии, холодности, безидейности Чехова просочились и в современное литературоведение. Поверхностный, односторонний взгляд на 80-е годы, как на эпоху сплошного мрака, способствовал распространению этих обветшалых теорий.

В наши дни, после недавнего юбилея Чехова, который так горячо отметила вся советская страна, назрела насущная необходимость в большой работе, в принципиально новой оценке творчества Чехова, в книге о подлинном Чехове.

Издательство «Молодая гвардия» возобновило выпуск серии «Жизнь замечательных людей» книгой В. Ермилова «Чехов».

Книгу о Чехове, книгу воинствующую, борющуюся с ложными теориями, написал В. Ермилов. В ней дается трезвый, марксистский анализ творчества Чехова. Книга В. Ермилова — ценный вклад в наше литературоведение. Идеино-воспитательное и научное значение работы В. Ермилова усиливается ее высокими литературными достоинствами: это талантливая повесть о жизни великого писателя и замечательного человека.

«Легенда, — пишет В. Ермилов, — о том, что у Чехова не было мировоззрения, — легенда, над которой Горький издевался еще в 1900 году, но имеющая распространение и в наше время, — была создана либерально-народнической критикой, которая хотела уложить великого писателя в прокрустово ложе своих узких, обветшалых, шедших вразрез с жизнью, схемочек и догм».

В главе «Ласковый враг», раскрывающей взаимоотношения Чехова с Сувориным, говорится о «суворинской опасности», о той сложной и хитрой паутине, которую плели вокруг Чехова консерваторы и либералы.

Исключительная сила воли, соединенная с гениальным чутьем, помогла Чехову постепенно преодолеть и лезть и козьи врагов, понять необходимость коренного перелома, борьбы. Но Чехов не видел основного участника этой борьбы — пролетариата.

Горячо любя русскую демократическую интеллигенцию, великий писатель трагически переживал невозможность найти в ней опору.

В анализе противоречий Чехова В. Ермилов опирается на ленинскую характеристику эпохи. Сравнивая 80-е годы с тюрьмой, Ленин в то же время указывал, что именно тогда «всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создавая основы социал-демократического мировоззрения».

Чехову удалось, — пишет В. Ермилов, — «выразить подводное течение... — подтекст эпохи. В своем творчестве Чехов стал одним из гениальных участников того процесса «подведения итогов прошлому» и выработки нового мировоззрения, который составил внутреннее содержание периода восьмидесятых-девяностых годов в жизни нашей родины». Трудным и ответственным было в то время дело демократической литературы. — это Чехов очень остро ощущал. Одна из основных тем его творчества — призыв к протесту («в неусыпающем протесте вся соль жизни»), разоблачение слабости, безидейности русской интеллигенции. Не восьмидесятые годы виноваты в ленинстве и дряблости, а вялые и дряблые виноваты, что жизнь стала тюрьмой, что трудно дышать человеку. Всем своим творчеством Чехов как бы говорил русской интеллигенции: «Мы все виноваты, что жизнь плоха. Мы обязаны изменить жизнь. Мы все ответственны перед народом».

Творчество Чехова, — пишет В. Ермилов, — «стало отражением кануна первой русской революции, было охвачено революционным предчувствием... Но отсутствие представления о путях, какими придет родина к радостной и справедливой жизни, о тех силах, которые поведут ее к расцвету, об исторической роли рабочего класса — все это не могло не создавать в его произведениях настроения неуверенности, тоски даже и тогда, когда в этих произведениях звучала мелодия завтрашнего счастья. Картина русской жизни, нарисованная Чеховым, была неизбежно неполной... Он не мог создать образ социально активного, способного к упорной борьбе, цельного человека».

С первых страниц книги В. Ермилова читатель дышит атмосферой благородной борьбы великого писателя за свой талант, ибо талант — это «культура таланта», это — труд, это смелость, знание жизни, высокая идейность.

В полумещанской, полукупеческой семье

растут три брата: Александр, Николай и Антон. Все трое от природы талантливы, все трое любят родину, хотят служить ей своим искусством. Но только один — Антон Чехов оказался достойным своего таланта. История Александра Чехова, — пишет В. Ермилов, — «это история человека, не овладевшего своим талантом и ушедшего от творческого труда к ремесленничеству». У Александра нехватало воли, моральной стойкости для поисков правды, высокого мировоззрения, без которого искусство становится мелким и фальшивым. Еще более трагична судьба Николая. Растратив на мелочи жизни свой дар живописца, он гибнет в ранней молодости. В. Ермилов цитирует мудрое, справедливое и сегодня, пишем А. Чехова к брату Николаю о воспитании воли, о «воспитанных людях»: «если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой... Они горды своим талантом, сознавая, что они призваны воспитывать влиять... Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час». Нежно любя своих братьев, Чехов, как показывает В. Ермилов, вел борьбу за них, и эта борьба была для него не только делом братской любви. «Нет, тут была и гордость разночинца, желавшего, чтобы побольше «нашего брата» было на передовых позициях русской культуры».

Книга В. Ермилова способствует глубокому сознанию того, «что воспитание в себе человека и воспитание в себе художника представляют две стороны единого целого», что этика неотделима от эстетики, что красота и правда невозможны друг без друга, что человек станет хозяином, а не рабом своего таланта только при условии, если этот талант вдохновлен великой идеей.

Лучшими писателями Чехов считал тех, у кого «каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели». Чехов до боли глубоко чувствовал себя обязанным «ответить на главные вопросы», оторванность художника от общественной жизни была для него мучительна, представлялась ему аномалией, уродством. На анализе основных произведений Чехова («Горе», «Припадок», «Скучная история», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» и др.) В. Ермилов раскрывает страстность и напряженность идейных поисков Чехова. Постепенно моральный кодекс великого писателя «приобретал все более ясную общественную, политическую окраску».

В книге остро и принципиально поставлен

вопрос о новаторстве, неразрывно связанный с вопросом идейности искусства. В. Ермилов говорит о том, как изнутри взрывались старье, «осколочные», «лейкинские» традиции в юмористических рассказах Чехова. Это происходило так быстро, так неожиданно — «без стука», что Лейкин, как «утка и утята в знаменитой сказке смотрел на молодого лебедя, считая его неправильным утенком». «Осколочное», обывательское зубоскальство было противно Чехову, как ненавистна ему была обывательская пошлость, вкусам которой потакали тогдашние юмористические журналы. Оставаясь в рамках жанра, Чехов «совершал чудо преобразования жанра». Новая идея, новое содержание подчинили себе внешние, формальные признаки жанра, заставили их служить этому новому содержанию.

Чехов в своих юмористических рассказах-миниатюрах уничтожил то, что утверждали «Осколки» и «Развлечения», он бичевал пошлость, «уродство общественных форм». В. Ермилов приводит слова Горького о чеховских рассказах: «Никто до него не умел так беспощадно-правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни в тусклом хаосе мещанской обыденщины». Чехов насыщает рассказ-миниатюру философским, психологическим, художественным содержанием. Переплетая комическое с трагическим, он заставляет читателя пережить все глубины человеческих чувств. Своим упорным трудом взыскательного художника, который, никогда не удовлетворяясь достигнутым, стремится к новым и новым высотам, Чехов, по словам Горького, сумел возвысить свой реализм «до одухотворенного и глубоко продуманного символа».

В. Ермилов показывает трудность борьбы, неровность пути, сложный процесс преодоления «лейкинщины», затем «суворинской опасности». Победа была одержана потому, что «как никто другой, Чехов умел взглянуть на всю современную ему действительность глазами будущего», потому, что неустанным воспитанием воли он добился внутренней свободы от всего того, «что отжило или отживает», и «ветер завтрашней свободы родины все сильнее, смелее дышал в его произведениях».

«В. Ермилов так определяет одну из основных тем «Чайки»: «Не может существовать новаторство само по себе, оно возможно только как вывод из смелого знания жизни, оно возможно только при богатстве души и ума».

Точно и правдиво определен здесь смысл новаторства.

Читатель вспомнит одного из героев «Чайки», писателя Треплева, который стремился стать новатором, а превратился в жалкого формалиста, ибо камерно, искусственно, вне жизни, вне одухотворяющей идеи хотел создать новые формы. Читатель вспомнит беспощадную борьбу с формализмом, которую всегда вела советская литература. И ему станет ясно, насколько близки и дороги чеховские традиции нашей современности и какая жестокая, оскорбительная несправедливость связывать имя Чехова с людьми, у которых «в душе — хоть шаром покати», у которых все мелко, лживо, безидейно.

Чувство нового у Чехова было глубоким и всеобъемлющим. Чехов по-новому ставит тему труда, тему личного счастья.

«Как никто другой в мировой литературе до Горького, Чехов был вдохновенным поэтом труда... Отношение человека к труду было для него едва ли не важнейшим критерием оценки человека», — говорит В. Ермилов. Не жалкий, полдневольный, ремесленнический труд, а вдохновенный, полный живого смысла и творчества, труд, преодолевающий все препятствия, закаляющий человека для борьбы со злом. — вот содержание жизни. Без такого труда невозможна радость жизни, невозможно личное счастье. Чехов осудил «ленивое счастье» оптимистических обывателей, проповедывавших, что «жизнь хороша сама по себе», не менее строго, чем «свинское счастье собственника». Анализируя рассказы «Крыжовник», «Учитель словесности», «По делам службы», В. Ермилов делает заключение: «С небывалой в мировой литературе силой, глубиной, последовательностью Чехов разоблачает презренность, несправедливость собственного, своекорыстного «счастья».

В. Ермилов пишет: «В статье, посвященной повести «В овраге», Горький с мудрым проникновением в «тайное тайных» чеховского творчества сказал, что Чехов «как никто», в «ослепительно ясной форме» раскрывает в своих произведениях противоречие между стремлением человека быть лучшим и лучше жить».

Обывательское эгоистическое благополучие, стремление «лучше жить» самому, для себя и настоящее большое человеческое счастье ничего общего не имеют друг с другом. Эта тема приобретает большое значение для современной литературы.

В нашей литературе не раз ставился вопрос о различии и идеологической сепарации

бывого, мелкого «ленивого счастья» с теми великими, благородными идеями, которые руководят жизнью лучших советских людей.

С темой личного счастья тесно связан вопрос об оптимизме Чехова. «Нужно начать различать, — писал Горький, — социальный оптимизм писателя, явившийся результатом творческого проникновения в подлинный ход исторических процессов, от оптимизма, так сказать, «частного», который, переводя на несколько упрощенный язык, можно назвать «хорошим настроением» писателя и основным признаком которого нужно считать отсутствие идейной «собранности», «партийности».

В своей книге В. Ермилов доказывает, что чеховский оптимизм был трудным, требовательным, суровым, что он был связан не с «хорошим настроением», а с верой в прекрасное будущее своей родины, с верой в русскую жизнь, в русских людей, с гениальной интуицией художника, позволившей ему проникнуть в «подлинный ход исторических событий».

В «Рассказе неизвестного человека» Чехов пишет: «Чтобы чувствовать себя свободным и в то же время счастливым, мне кажется, надо не скрывать от себя, что жизнь жестока, груба и беспощадна в своем консерватизме, и надо отвечать ей тем, чего она стоит, то-есть быть так же, как она грубым и беспощадным в своих стремлениях к свободе». Чехов никогда не жил иллюзиями. У него было достаточно моральной силы, внутреннего достоинства, чтобы сказать правду о жизни. Его оптимизм был глубоко выстрадавшим, завоеванным им в схватке со злом жизни.

Социальный оптимизм Чехова был основой его мироощущения. Его вера в будущее осязательна, реальна и в целом ряде произведений последнего периода. Это будущее не за горами, не за тысячелетием, а где-то очень близко.

Книга В. Ермилова о Чехове ставит много животрепещущих, больших вопросов. Это новая, глубоко современная книга, которая развивает творческую мысль читателя, воспитывает его волю и чувства. Это книга о подлинном Чехове. Она призывает к высокой идейности и в жизни, и в искусстве, воспитывает волю, стойкость, умение преодолевать любые препятствия.